

“Then the Devil took Jesus to a very high mountain...”

Temptation of Jesus and abduction of Ganymede

The theme of Jesus' temptation, which is not yet called Christ, follows immediately after baptism and can therefore be regarded as its direct continuation or as two consecutive episodes of the same event, the meaning of which needs to be clarified.

It seems that this is a direct consequence of the words spoken during the baptism:

And a voice from heaven said, “This is my Son, whom I love; with him I am well pleased.”

"From heaven" can be just *from above* (or *from there*) – the words of the most divine king, relevant not only to Jesus, but also to other *interested* persons, because they could mean not only the recognition of his son, and his beloved ("The master appointed me his beloved wife!"), but also, perhaps, the *heir*.

But whoever said these words was heard and immediately brought to the attention of another candidate, who has so far enjoyed unconditional priority and has real power. It is clear that this kind of concern, which immediately arose, caused real consequences and was vaguely described in the texts of the Gospels, accompanied by helpless interpretations.

Then Jesus was led by the Spirit into the wilderness to be tempted by the devil. After fasting forty days and forty nights, he was hungry.

Passive form "*was led*" means not an independent act but *coercion*, the purpose of which is a test called temptation. It seems that he was immediately detained and isolated (taken to the desert) "until the circumstances are clarified" in conditions of custody and 40 days of "fasting", during which he had to "mature" for the upcoming conversation. The word "fast" (Russian *пост*) means "empty" (Russian *пуст*). The initial form is probably *ПОУСТ*, which gave two abbreviations – *ПОСТ* and *ПУСТ*. Hence the *постные щипы* (watery soup), that means *empty*, without meat.

Clearly, he was hardly fed to get to "the right condition". Let's try to understand this rather vague Gospel message.

Let's start with the word "hungry", which is interpreted as "starving" on the sole ground that the first temptation that speaks of bread follows, although it was easier to be filled in a miraculous way without any bread. In subsequent temptations, fullness is forgotten, though he refused to turn the stones into bread. And what has that to do with "bread", when one piece of bread is enough to satisfy your needs. And if he was offered to turn the stones into something else, for example, a palace, as it is usually entrusted to the fairy tale genies? Or to turn the thrown hair pick into a forest, and the handkerchief into a river, as the fairy tale about the Baba Yaga says?

The correct understanding of what is happening is probably as follows. The word "*hungry*" (Russian *алкать*) means *thirst*, and thirst is a desire to *drink*, not to eat. *Алкаун* is a heavy drinker, not a glutton. The original word *ЛАкать* (drink like a dog) = *нуть* (drink), and the word *АЛкать* (be hungry) means NOT drink as a *specific* negation formed through *contradiction*, i.e. reverse pronunciation.

It has nothing to do with bread at all. Perhaps, here it is designated "to drink this cup". The very one for which the "Agony in the Garden" was to come.

And then he finally sees the tempter himself. Or he is brought to him "for an interview", which should find out how dangerous this candidate is and whether his elimination is required.

Three temptations

The tempter came to him and said, "If you are the Son of God, tell these stones to become bread."

It's a humiliation test, because he starts with a quote "If you are the Son of God". And just a king could be called a god alive, which could mean something like this.

– If you are indeed, as they say, a king's son and, therefore, my beloved brother, then... would you like to taste our bread and salt by joining this modest meal?

It is easy to imagine something like a table full of delicacies and a prisoner in front of it, to whom it is "kindly" offered, with a natural refusal not yet completely broken.

- Thank you, I am full up.
- Really? Or maybe you're a wizard and you can turn these stones into bread?
- Man shall not live on bread alone.

This is followed by the test of fear.

– So, you're rude? What do you want: to be killed now or to suffer?
 – Better to suffer, of course.
 – Or maybe I should throw you down from here? Do you think the angels will come to catch you?

The answer is unexpected and obviously confusing:

- Do not put the Lord your God to the test!

Which may mean that it is unlikely to be concealed, will reach the most divine ruler and father with the following consequences.

And the final test is flattery.

– All right, well, we'll give you that power if that's what you want. But only if you will bow down and worship *me*.
 – Worship the Lord your God, and serve him only.

Morally, it is treated as a victory, but not in the eyes of the tempter, who apparently decided that he was just an empty and not very dangerous fantasist, released him "at least for now" with the words "Okay, you are free NOW but remember what I said to you." And others ("angel" is a messenger),

silently sympathetic to him, immediately approached him, "and angels came and attended him." This is where the baptismal scene finally ends, and he travels.

And the "shamed" devil retreated, of course, not completely, but only before the time. Because in his hands remains another extreme remedy - revenge, expressed in the constant persecution by his children (as Christ said, "You belong to your father, the devil"), who have not rejected any of the proposed temptations.

Personal and church temptations

It may be added that these great temptations, in addition to the small ones, seem to be typical of more than one religion, so that it can be considered "definitely good" or "partly bad", and sometimes even proposed to change the faith (as if it were possible to change the soul) and occur in the soul of each person. Therefore, even the Christianity, which is accepted as an exemplary good religion, may reveal traits directly opposite to those postulated.

There are three examples.

Let's start with Christmas

The Nativity of Jesus is marked by the arrival of special ambassadors, called Magi, i.e. mighty, who have bestowed *royal* gifts upon him. And this symbolic event suddenly begins to be depicted as follows: the birth takes place in a cave or a stable, i.e. in unsanitary and surrounded by some animals. It's a good thing that it was cows and lambs symbolizing innocence, if not pigs or goats symbolizing directly opposite. And the Magi suddenly turn into shepherds, almost beggars in rags and with shoulder bags. And who draws it like that? Rembrandt himself. Let's remember this, because he has yet to return.

Fig. 1. Rembrandt. The Adoration of the Shepherds.

Of course, this is a good explanation: it was raining, they had to spend the night somewhere, and then the birth happened. And if the human life is marked on his grave by the years of the beginning and end of life, the life of Christ turns out to be marked by two events – *born in a stable and died on the cross*. And it is Christian icons!.. It is clear who made it – the very same *tempter*, who got into the church, not to mention the secular painting, where you can always say: *I see it that way* or rather *The customer wants it like that*. And the customer, as you know, is always right.

These temptations in the form of confrontation between light and darkness occur in the every soul in the struggle of an angel and tempter assigned to the human throughout his/her life with this freedom of choice between the *advice* of the first and the *offer* of the second, at the end of which all kinds of dark choices will be presented to him/her, so, Christians can hate, while constantly speaking of love.

Another example corresponding to the end of Christ's earthly life is the crucifixion, which depicts Christ who *died* on the cross. The object of worship in any Christian church. And what does it represent? Christ *defeated* during the highest triumph of the devil. This came up with some explanation, too – *"trampling down death by death."* There is even a whole industry of worship for particles of the *"True Cross"*, nails and other attributes of torture and murder. It's also good not for the "true" rogs he's been scourged with. There were, of course, debates, but the supporters of the *tempter* won. In fact, Christ is not defeating the devil during his martyrdom and hesitation in faith – *"My God, my God, why hast thou forsaken me?"* but in the moment of his resurrection.

Fig. 2. Christ the Defeated.

They'll say, of course, that it's just a reminder, so they don't forget. Wouldn't another reminder be better – Christ the Resurrected One? They will say that no one has seen it, but everyone has seen his death.

Fig. 3. Paolo Veronese. The Resurrection of Christ.

And finally, his second coming and the Last Judgment. This is nothing but an illustration of the third temptation, which Christ deliberately abandoned. It is the exemplary punishment of sinners because of their incorrigibility.

Fig. 4. The Last Judgment.

The judgement is fearful not only of inevitability but also of his masses, when each defendant is given a fraction of a second and is unable to justify him/her in any way.

Which is reminiscent of the American trial described by Jack London:

- Next!
- A hobo, Mr. Judge!
- Thirty days!
- But, Mr. Judge...
- Sixty days!

Yes, the Last Judgment exists and awaits each of us when we die individually, when a scroll of all our mistakes and omissions unfolds before us. There is nothing to say about "good deeds", they are just the right actions, but about bad ones... They are offered to be at least clearly understood and thought over, if not corrected, with the following conclusions, first, by our own.

And the church depicts all kinds of devilish torment with loving care and total indifference, if not with pleasure observed "pure". Isn't this a temptation, both in terms of the plot and the behaviour of the depicted, including the judge? Does a simple image of the Saviour the Bright Eye correspond to Christ's own teaching?

The position of dissents

If these considerations do not convince (which is naive to count on), we can end it with the temptations of Christ. It is believed that this is a triple defeat of the tempter. By rejecting all his suggestions.

And what do his opponents, of course, believing that the choice of Jesus is just *impractical* and even stupid, think about it? How can they perceive this? His "victory" should be presented as a clear defeat.

To do this, the tempter needs to be a little tricky, and this is exactly what is his profile.

Here are Christian images of the *defeat* of the tempter (Fig. 5).

Fig. 5. You have wings, so jump.

Offering to jump (like the Castaneda said) into the abyss to make sure that the angels present at the scene immediately rush to pick him up.

The reasonable answer of Jesus "You have wings, so jump," does not somehow warm his opponents. We need to "magic" a little bit to modernize the image.

How can this be reflected, for example, in painting? The position of the Christians is clear - the tempter is shamed, and Jesus is the victor in the dispute.

But it is possible to imagine the same story in such a way that there is no winner (Fig. 6).

Fig. 6. The discussion is whether to jump or not to jump.

Here is the same discussion in which the winner has not yet been revealed that it is better than the direct defeat of the tempter. There are no angels nearby. Who should "pick him up"?

Yet this is not the case, because it is necessary to show the victory of the tempter and the defeat of Jesus. Another attempt is in Fig. 7.

Fig. 7. Do not put the Lord your God to the test.

The left image is clearly unsuccessful, because the tempter is traditionally darker, and the most important thing is that he is below Jesus, which does not symbolize his superiority. And he also looks a little insecure, even confused. He is fussing, as we can see, not hoping to convince his opponent. The right image is much better – Jesus hesitates to think hard. Is it worth starting a fight with such a powerful opponent? The tempter is *above* Jesus, as if hovering over.

And he is hesitant to agree with his "tempting" offer.

But this does not deny the very fact of his ultimate victory. And, therefore, this is not a completely satisfactory solution in the eyes of the protagonists of the tempter, because it requires a clear demonstration not of the defeat of the tempter, but of his victory, albeit seemingly.

How can you pervert the obvious? Here is an example. A simple time shift. How does they say it *literally*? "*Then the Devil took Jesus...*"? Eureka! That's what we need to depict! How he takes, what he takes, how he carries and how he looks like in the eyes of an outsider, "uninterested" and as if "objective" observer.

Of course, one must be quite cautious in a Christian country. It is better to depict it not on the icon but within the secular painting as illustrations to some "most ancient" myth, which has nothing to do with the subject under consideration. Let's say, to the ancient, though invented at once, on the spot. It is better to depict it replacing just the *names* of the characters. God can be called, for example, Zeus (combining with the tempter at the same time). And Jesus can be Ganymede, a cupbearer, if he seemed to be *hungry*. Joking *Russian* nickname *зони мёд* (translated as "give me the honey" and sounds like Ganymede) is a paraphrase of the criminal underworld song "Give me the money! I have no money". What else remains there? Angels watching what is happening? Let's depict them as some goddesses (or priestesses) of love, extending to him the very cup, for which he is "hunger". And then there will be his prayer "My Father, if it be possible, let this cup pass from me". What else is there left? Right, when he was baptized, some white pigeon flew off on him. Let's replace it with a mighty *black eagle*, representing the tempter, who, by the way, is also quite suitable as a *coat of arms*.

And look how everything turns out!

Here is the first truly remarkable result in the form of, of course, secular painting – Rubens, *The Abduction of Ganymede* (Fig. 8).

Fig. 8. Rubens. *The Abduction of Ganymede*.

Everything here is almost impeccable. Jesus is chubby, not "hungry" at all and is represented by cupbearer Ganymede with his famous cup. The same two angels as on the right Fig. 5, but as goddesses or priestesses of love.

The black tempter, who replaced the white pigeon that flew away during the baptism, embraced Ganymede himself. The background is the boozy Lord and his drinking companions.

Another picture of this author, more like a fragment. There are only two characters expressing the same idea.

Fig. 9. An even more daring image of the same thing.

A naked ass in the centre of the left picture is the perfect solution for faggots, isn't it? And the right picture shows Ganymede in the *intercourse* position with an eagle. You can't want more than that.

An "innocent" symbolic image dictated by the customer. This is almost ideal. Now we understand such reviews:

"Rubens... A sorcerer who has revealed a magical world of colors and joys of being to people. The artist who amazes with the openness of the light perception of life in his canvases. He conquers us with the power of human flesh, which reigns in his paintings.

We feel like hot blood boiling in the mighty veins of his heroes, beating in the hearts of his blond goddesses.

*Rubens knew carnation, the art of writing a living body, like nobody's business. **It seemed that the master mixed human blood with his colors.***

"Homer of Painting," exclaimed E. Delacroix. "Rubens is Shakespeare in painting," wrote Repin in his letter to Stasov.

Now they could give a Nobel Prize for this, although this topic is no longer relevant, because Christianity is almost over. Only the outer shell remains, like the chitin of a dried beetle.

Especially interesting phrase is "*It seemed that the master mixed human blood with his colors*". And what if he really mixes something? Maybe, Christian baby's blood? This strange thought shouldn't come from nowhere.

Rubens is also a Satanist, Christians can add.

But there is also an even greater achievement.

The image, which can also be directly called the *defeat of Jesus*. Now "Jesus" is represented by an asympathetic baby with a skewed face, who pissed himself off with fear. Well not pooped. And Rembrandt again.

Fig. 10. "Then the Devil took Jesus". Mythologized image of a Christian plot

A murky and cynical image of "Jesus" *pissed himself*, dictated by the customer, who clearly planned to admire this image among "his people".

And this plot was so pleasant to customers that its sculptural continuation without an eagle was found. This is a famous symbol of Brussels, Manneken Pis. The eagle that takes away him is only an implication, he just needs to be thought of.

But it is clear to those who *understand* without any words that are spoken only *for the sake of aversion*, because the story is still the same – the *defeat of Jesus*.

Fig. 11. A sculptural fragment of the same plot of "Jesus" who pissed himself.

This is an anti-Christian allegory about temptation with invented "innocent" explanations.

Is it any wonder that this very Brussels is still one of the three centers of anti-Christianity (Brussels-London-Washington) and "tolerance"?

ПРИМЕЧАНИЕ. Это перевод статьи с русского языка на английский. Оригинальный авторский текст дается ниже.

«Берёт Его диавол на весьма высокую гору...»

Искушение Иисуса и похищение Ганимеда

Тема искушения Иисуса, пока еще не называемого Христом, следует сразу после крещения и потому может рассматриваться как непосредственное его продолжение. Или как два последовательных эпизода одного и того же события. Смысл которого требует пояснения.

Видимо, это прямое следствие слов, сказанных во время крещения.

«И се, глас с небес, глаголющий: Сей есть сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение».

«С небес» может быть просто *сверху* (или *оттуда*) – слова самого божественного царя, имеющими отношение не только к Иисусу, но и другим *заинтересованным* лицам. Поскольку могли означать не только признание его сыном, притом возлюбленным («господин назначил меня любимой женой»), но и, возможно, *наследником*.

Но кто бы не произнес эти слова, они были *услышаны* и моментально доведены до сведения другого кандидата, до сих пор пользовавшимся безусловным приоритетом. К тому же и обладающего реальной властью. Понятна мгновенно возникшая обеспокоенность такого рода событием, вызвавшая реальные последствия. Туманно описанные в текстах Евангелий, сопровождаемых беспомощными толкованиями.

«Тогда Иисус возведен был духом в пустыню, для искушения от диавола и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал».

Пассивная форма «*был возведен*» означает не самостоятельное действие, а *принуждение*, целью которого является испытание, названное искушением. Похоже, он попросту был тут же задержан и изолирован (доставлен в пустыню) «до выяснения» в условиях принудительного содержания и 40-дневного «поста». В течение которого он должен был «дозреть» для предстоящего разговора. Само слово «пост» означает «пуст». В исходном виде, вероятно, ПОУСТ, давшее два сокращения – ПОСТ и ПУСТ. Отсюда «постные шти» в смысле *пустые* – без мяса.

Понятно, его при этом практически не кормили, чтобы довести «до нужной кондиции».

Попробуем разобрать это довольно смутное евангельское сообщение.

Начнем со слова «*взалкал*», которое толкуют как «проголодался». На том лишь основании, что дальше следует первое искушение, толкующее о хлебах. Хотя проще было чудесным образом насытиться и вовсе без хлеба. В последующих искушениях о насыщении полностью забывается, хотя превращать камни в хлеба он отказался. И вообще причем здесь «хлеба», когда для насыщения достаточен просто хлеб в количестве одной штуки. А если бы ему было предложено превратить камни во что-то другое, скажем, дворец, как это обычно поручается джиннам волшебных сказок? Или превратить брошенный гребешок в лес, а платок – в реку, как в сказке про бабу Ягу-преследовательницу?

Правильное понимание происходящего, видимо, таково. Слово «*алкать*» означает *жаждать*, а жажда это желание *пить*, а не есть. Алкаш это пьяница, а не обжора. Исходное слово ЛА – ЛАкать=пить (по-собачьи), а слово АЛкать означает НЕ-пить – *конкретное* отрицание, образованное посредством *противоречия*, то есть обратного произношения.

К хлебам это вообще не имеет отношения. Возможно, здесь обозначено его назначение «испить чашу сию». Ту самую, о которой впоследствии предстояло «моление о чаше».

И тут перед ним, наконец, является сам искуситель. Или его к нему доставляют «для собеседования». Которое должно выяснить насколько опасен сей кандидат и требуется ли его физическое устранение.

Три искушения.

«И приступил к нему искуситель и сказал: если ты сын божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами».

Это испытание унижением. Поскольку он с ходу начинает с цитаты «если ты сын божий». А «богом живым» мог называться и просто царь, что может означать примерно следующее.

– Если так и ты действительно, как говорят, царский сын и, стало быть, мой возлюбленный брат то... не желаешь ли отведать нашу хлеб-соль, присоединившись к сей скромной трапезе?

Легко представить что-нибудь вроде уставленного яствами стола и поставленного перед ним узника, которому это «любезно» предлагается, с естественным отказом еще не до конца сломленного.

– Спасибо, я сыт.

– Да? А может ты волшебник и камни сии можешь превращать в хлеба?

– Не хлебом единым сыт человек.

Далее следует испытание страхом.

– Хамить значит? Тебя как, сразу прикончить или желаешь помучиться?

– Лучше, конечно, помучиться.

– А может тебя отсюда вниз сбросить? Думаешь, ангелы прилетят, чтобы тебя подхватить?

Ответ неожиданный и явно сбивающий с толку:

– Не искушай господа бога твоего!

Возможно, означающий, что скрыть это ведь вряд ли удастся, дойдет до самого божественного правителя и отца с вытекающими отсюда последствиями.

И последнее испытание – лестью.

– Ну, ладно, мы так и быть, дадим тебе эту власть, раз сам этого хочешь. Но при одном условии. Прежде ты должен поклониться *мне*.

– Богу одному поклоняюсь, ему одному служу.

Морально это трактуется как победа, но не в глазах искусителя, видимо, порешившего, что перед ним всего лишь пустой и не очень опасный фантазер. Отпущенный им «до времени» в сопровождении слов «Ладно, свободен ПОКА, но помни, что я тебе здесь сказал». А окружающие («ангел» это посыльный), безмолвно ему сочувствующие, тотчас к нему приблизились, и «ангелы ему служили». На этом сцена крещения теперь, наконец, завершается, и он отправляется странствовать.

А сам «посрамленный» диавол отступил, конечно, не окончательно, а только до времени. Поскольку в его руках остается еще одно крайнее средство – месть. Выражаемая в постоянном преследовании его названными детьми (словами самого Христа «ваш отец – диавол»), не отклонившими ни одного из предложенных им искушений.

Личные и церковные искушения

Можно добавить, что эти великие искушения в дополнение к множеству мелких свойственны, по-видимому, не одной только конкретной религии, из-за чего она может считаться «безусловно хорошей» или «отчасти плохой», вследствие чего порой даже предлагается поменять веру (как будто при этом можно поменять душу), а происходят в душе каждого человека. Поэтому и в христианской религии, принимаемой в качестве образцово хорошей, могут обнаруживаться черты прямо противоположные постулируемым.

Этому можно привести три примера.

Начнем с Рождества.

Рождество Христово отмечено прибытием специальных посланцев, называемых волхвами, иначе говоря, магами, т.е. могучими или могущественными, вручившими ему *царственные* дары. И это символическое событие вдруг начинает изображаться следующим образом. Рождение происходит в какой-то пещере или хлеву, т.е. в условиях антисанитарии и в окружении неких животных. Хорошо еще просто коровок или барашков, символизирующих безобидность, а то и прямо свиней или козлов, обозначающих уже нечто прямо противоположное. А сами маги вдруг превращаются в пастухов, чуть ли не нищих в драных лохмотьях и с заплечными торбами. И кто это так рисует? – Сам Рембрандт. Запомним это, поскольку к нему еще предстоит вернуться.

Рис.1. Рембрандт. Поклонение пастухов.

Конечно, этому дается подходящее объяснение типа дождь захватил, пришлось заночевать где попало, а тут и роды случились. И если жизнь человека на его могиле обозначается годами начала и конца жизни, то жизнь Христа получается отмеченной двумя событиями – *рожден в хлеву и умер на кресте*. И это на христианских иконах!.. Ясно, чья это деятельность – того самого *искусителя*, пробравшегося и в саму церковь. Не говоря уж о светской живописи, где можно всегда отмазаться словами: я так вижу или вернее так требует заказчик. Который, как известно, всегда прав.

Эти искушения в виде противостояния светлого и темного начал происходит в душе каждого человека в борьбе приставленного к ней ангела и искусителя в течение всей его жизни. При данной свободе выбора между *советами* первого и *предложениями* второго. В конце которой все виды темного выбора будут ему предъявлены. Поэтому постоянно говоря о любви христиане могут реально ненавидеть.

Другой пример соответствует завершению земной жизни Христа. Это распятие, изображающее Христа *умершего* на кресте. Предмет поклонения в любой христианской церкви. А что оно изображает? – Христа *поверженного* в момент наивысшего торжества дьявола. Этому тоже придумано некое объяснение – *«смертью смерть поправ»*. Есть даже целая индустрия поклонения частицам *«креста честного»*, гвоздям и прочим атрибутам мучительства и убийства. Хорошо еще, не «честным» батогам, которыми его бичевали. Тут были, конечно, споры, но победили сторонники *искусителя*. На деле же Христос побеждает дьявола отнюдь не в момент своей мученической кончины и колебания в вере – *«Боже мой, зачем ты меня оставил»*, а своего воскрешения.

Рис.2. Христос поверженный.

Скажут, конечно, что это всего лишь напоминание, дабы не забывали. Не лучше ли было бы другое напоминание – Христос воскресший? Скажут, что этого никто не видел, а смерть его видели все.

Рис. 3. Паоло Веронезе. Воскрешение Христа.

И наконец, его второе пришествие и Страшный суд. Ведь это не что иное, как иллюстрация третьего искушения, от которого Христос намеренно отказался. Это примерное наказание грешников, ввиду их несправимости.

Рис. 4. Страшный суд.

Страшен суд не только неотвратимостью, но и своей массовостью, когда каждому подсудимому на все про все отводятся доли секунды и на возможное его оправдание не хватает ни сил, ни времени.

Что напоминает описанное Джеком Лондоном судилище по-американски:

- Следующий!
- Бродяга, господин судья!
- Тридцать дней!
- Но, господин судья...
- Шестьдесят дней!

Да, страшный суд существует. И ждет каждого из нас в момент индивидуальной кончины. Когда перед нами разворачивается свиток всех наших ошибок и упущений. О «добрых делах» и говорить нечего, это просто правильные поступки, а о недобрых... Их предлагается если и не исправить, то хотя бы отчетливо осознать и обдумать. С последующими выводами, прежде всего собственными.

А в церкви с любовью изображают все виды дьявольских мучений с полнейшим безразличием, если не с радостью наблюдаемых «чистыми». Это ли не искушение как по сюжету так и по поведению изображаемых включая самого судию? Даже простое изображения Спаса Ярого Ока соответствует ли учению самого Христа?

Позиция «инакомыслов»

Если приведенные соображения не убеждают (на что наивно рассчитывать), то можно это закончить тематикой самих искушений Христа. Считается, что здесь представлено троекратное поражение искушителя. Путем отказа от всех его предложений.

А что об этом думают его противники, конечно же, полагающие, что выбор Иисуса есть не что иное, как *непрактичность* и даже простая глупость? Как это может ими восприниматься? Ясно, что эта его «победа» должна подаваться как несомненное поражение.

Для этого нужно всего лишь слегка исхитриться, в чем искушитель как раз и является признанным мастером.

Вот христианские изображения *поражения* искушителя рис. 5.

Рис. 5. У тебя же есть крылья, вот ты и прыгай.

Предлагающего, прямо по Кастанеде, прыгнуть в пропасть, дабы убедиться, что присутствующие при сем ангелы тотчас же бросятся его подхватывать.

Резонный ответ Иисуса – «ведь у тебя же есть крылья, вот ты и прыгай», как-то не греет его противников. Нужно немного «поколдовать» в части модернизации изображения.

Как это может быть отражено, например, в живописи? Позиция христиан понятна – искушитель посрамлен, а Иисус является победителем в этом споре.

Но можно представить этот же сюжет и так, что в нем победитель еще не выявлен Рис. 6.

Рис. 6. Дискуссия – прыгать или не прыгать.

Здесь та же дискуссия, в которой победитель еще не выявлен. Что уже лучше прямого поражения искушителя. Ангелов рядом нет. Кто его должен «подхватывать»?

И все же это не то. Поскольку требуется предъявить победу искушителя и поражение Иисуса. Еще попытка рис. 7.

Рис. 7. Не искушай Господа бога своего.

Левое изображение явно неудачное. Поскольку искуситель в рамках традиции изображен более темным и главным стоящим *ниже* Иисуса, что не символизируют его превосходство. Да и видок у него какой-то неуверенный, даже растерянный. Он суетится, как видно, не надеясь убедить оппонента. Правое намного лучше – Иисус колеблется и в тяжком раздумьи. Стоит ли начинать борьбу со столь могучим соперником? Искуситель находится *выше* Иисуса, как бы нависая над ним.

А тот уже явно заколебался – не согласиться ли с его «заманчивым» предложением?

Но этим все же не отрицается сам факт его конечной победы. И, стало быть, глазами сторонников искусителя и это не до конца удовлетворительное решение. Поскольку требуется наглядная демонстрация вовсе не поражения искусителя, а его победы. Пускай и кажущейся.

А как можно извратить очевидное? – Вот, например, как. Простым сдвигом во времени. Как это там говорится *дословно*? – «*Берет его диавол...*»? – Эврика! Вот это и нужно изображать! Как берет, за что берет, как несет и как это выглядит глазами постороннего, «незаинтересованного» и как бы «объективного» наблюдателя.

Конечно, в условиях христианской страны действовать приходится достаточно осторожно. Лучше изображать это не на иконе, а в рамках так сказать светской живописи. Как иллюстрации к какому-либо «древнейшему» мифу, не имеющему ну никакого отношения к рассматриваемому сюжету. Скажем, античному, хотя и выдуманному тут же, на месте. С заменой всего лишь *имен* действующих лиц. Бога можно назвать, к примеру, Зевсом (а заодно и совместить его с искусителем). Ну, а Иисуса – каким-нибудь Ганимедом, виночерпием, коль скоро он ведь при этом вроде *взалкал*. Шутливое *русское* прозвище «гони мёд» – перефразирование блатняцкой песенки «а денег нету – гони монету». Что там еще остается? Ангелы, наблюдающие за происходящим? Изобразим их в виде неких богинь (или же жриц) любви. Протягивающих ему ту самую чашу, которую он и «взалкал». А после будет его моление «Господи за минует меня чаша сия». Что там еще остается? Ах, да, при крещении на него какой-то там *белый голубь* слетел. Заменяем его могучим *черным орлом*, изображающим самого искусителя. Который, кстати сказать, и в качестве *герба* тоже вполне годиться.

И посмотрите, как ловко все получается!

Вот первый поистине замечательный результат. В форме, конечно, светской живописи – Рубенс «Похищение Ганимеда» Рис. 8.

Рис. 8. Рубенс – Похищение Ганимеда.

Здесь все уже практически безукоризненно. Иисус по виду весьма упитанный, а вовсе не изголодавшийся и «взалкавший», представлен виночерпием Ганимедом даже со своей знаменитой чашей. Те же два ангела, что и на правом Рис. 5, но уже в виде богинь или жриц любви.

В обнимку с Ганимедом сам черный искуситель, заменивший слетевшего при крещении белого голубя. На заднем плане поддатый Господь в компании собутыльников.

Другая картина того же автора, более похожая на фрагмент. Здесь всего два действующих лица, выражающих ту же идею.

Рис. 9. Еще более смелое изображение того же самого.

Слева центральное изображение голой задницы – это ли не идеальное решение, рассчитанное на педерастов? А справа Ганимед в позе *совокупления* с орлом. Большого и желать нельзя.

«Невинное» символическое изображение, продиктованное заказчиком. Это уже практически идеал. Понятны теперь такие отзывы.

«Рубенс... Чародей, раскрывший людям волшебный мир красок, радости бытия. Художник, поражающий в своих полотнах открытостью светлого восприятия жизни. Он покоряет нас могуществом человеческой плоти, которая безраздельно царит в его картинах.»

Мы словно ощущаем, как жаркая кровь кипит в могучих жилах его героев, бьется в сердцах его белокурых богинь.

*Рубенс, как никто, владел карнацией — искусством писать живое тело. **Казалось, что мастер подмешивает в свои краски человеческую кровь.***

«Гомер живописи» — восклицал Э. Делакруа, «Рубенс — это Шекспир в живописи» — писал И. Е. Репин в письме В. В. Стасову».

Сейчас за это могли бы сунуть и нобелевку. Хотя сама эта тема теперь уже не актуальна. Поскольку с христианством практически почти покончено. Осталась лишь внешняя оболочка подобно хитину высохшего жука.

Особенно интересно это *«Казалось, что мастер подмешивает в свои краски человеческую кровь»*. А может и правда что-нибудь в этом роде таки подмешивает? Не христианского ли младенца кровь? Откуда-то же берется такая странная мысль.

Рубенс также и сатанист, могут добавить и христиане.

Но есть и еще большее достижение.

Изображение, которое тоже может быть прямо названо *поражением Иисуса*. Теперь «Иисус» представлен несимпатичным младенцем с перекошенной физиономией, *описавшимся* со страху. Хорошо еще не обкакавшись. И снова Рембрандт.

Рис. 10. «Берет его диавол». Мифологизированное изображение христианского сюжета

Глумливое и циничное изображение *описавшегося* «Иисуса», продиктованное заказчиком, явно планировавшим любоваться этим изображением среди «своих».

Причем сюжет этот настолько понравился заказчикам, что найдено его скульптурное продолжение, даже без символического орла. Это знаменитый символ Брюсселя «пíсающий мальчик». Здесь уносящий его орел лишь подразумевается, его нужно просто домыслить.

Но *понимающим* людям и так все ясно, без всяких слов. Которые говорятся лишь *для отвода глаз*, поскольку его сюжет все тот же – *поражение Иисуса*.

Рис. 11. Скульптурный фрагмент того же самого сюжета описавшегося «Иисуса».

Это антихристианская аллегория на тему искушения. С придуманными «невинными» объяснениями.

Стоит ли удивляться, что этот самый Брюссель и до сих пор является одним из трех центров антихристианства (Брюссель-Лондон-Вашингтон) и «толерантности».